

ФАКТОРЫ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Комплекс отраслей лесной промышленности, от заготовки до производства высокотехнологичных видов лесобумажной продукции, или *лесопромышленный комплекс (ЛПК)* [1], характеризуется ярко выраженной территориальностью, т.е. сильной зависимостью на всех уровнях своей территориальной организации от географических факторов. При этом, в пределах ареала произрастания древесных пород, зависимость от физико-географических факторов значительно менее выражена, чем от факторов экономико-географических, что объясняется непрерывностью размещения и малой концентрацией эксплуатируемого ресурса. Такое нехарактерное для отраслей, перерабатывающих определенный вид сырья, размещение сырьевой базы [2], делает инфраструктурную доступность леса ключевым фактором выбора компактных областей его освоения.

Российская деревоперерабатывающая промышленность полностью зависит от отечественных лесозаготовок, т.к. перерабатывающие мощности, как правило, не размещаются в морских портах, и не специализированы на глубокой переработке, которая позволяла бы использовать импортные полуфабрикаты [3]. В свете этого, ресурсоемкость лесной промышленности, большие потери массы при обработке сырья, привязывают перерабатывающие производства к сырьевым базам.

На уровне страны в целом это означает неотделимость размещения деревопереработки от размещения лесозаготовительной активности, т.е. в конечном счете, от инфраструктурной доступности леса в пределах ареала произрастания древесных пород. Таким образом, на уровне страны, ЛПК в целом, а не только лесозаготовительная отрасль, тяготеет изначально к области пересечения Главной полосы расселения и зоны наибольшего климатического благоприятствования произрастанию древесных пород, т.е. к регионам исторического ядра России.

Такой приоритет размещения привел к подрыву сырьевой базы в Центре Европейской России [4], в результате чего на уровне макро-регионов внутри страны, проявилось тяготение ЛПК к переходной зоне между ядром хозяйственного освоения, способным служить мощной базой развертывания необходимой инфраструктуры, и периферией в пределах ареала распространения древесных пород, сохранившей ресурсную базу. В эту зону попадают территории, расположенные севернее и восточнее Центрального экономического района, а также восточнее ядра Северо-западного экономического района — Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Эта зона представляет собой полосу, включающую Республику

Карелия, Вологодскую область, слабо освоенную центрально-восточную часть Костромской, северную часть Нижегородской, Кировскую область и Пермский край, а также южные, относительно транспортно освоенные и с относительно высокой продуктивностью древостоев, части Архангельской области и республики Коми. Указанные территории подвергаются на сегодняшний день наиболее активному лесохозяйственному освоению в России, о чем свидетельствует статистика. Сравнительное ранжирование ведущих регионов России по объемам лесозаготовок и объемам лесных ресурсов свидетельствует о крайне высокой относительной интенсивности эксплуатации лесных ресурсов Северо-Запада (см. табл. №1). Видно, что именно в регионах Северо-Запада (Карелии, Вологодской, Ленинградской, Архангельской областях) объем заготовок чрезвычайно высок по отношению к имеющимся запасам.

Таблица 1. Ранги регионов с объемами заготовки более 3 млн. кубм в 2008 году по заготовке и по запасам древесины

	Производство деловой древесины, тыс. пл.кубм, 2008	Ранг по производству деловой древесины	Общий запас древесины, млн.кубм, 2008	Ранг по общему запасу древесины	Разность рангов
Иркутская область	14769	1	9182	2	-1
Архангельская область	7739	2	2560	10	-8
Вологодская область	7488,2	3	1674	16	-13
Красноярский край	6515,8	4	11762	1	3
Хабаровский край	6448,4	5	5210	5	0
Республика Карелия	5433,2	6	980	21	-15
Республика Коми	5104,6	7	3057	7	0
Кировская область	3841,7	8	1220	17	-9
Приморский край	3257,6	9	1916	14	-5
Ленинградская область	3013,9	10	820	23	-13

*Ранжирование автора по данным [5]

С распадом СССР и прекращением политики дотирования лесозаготовок и строительства новой лесозаготовительной инфраструктуры, значимость имеющейся инфраструктуры и близости хозяйственно освоенных территорий для лесозаготовок возросла, о чем свидетельствует значительно более резкое падение объемов заготовок в наиболее периферийных и богатых лесом Архангельской области и республике Коми, чем в тяготеющих к Санкт-Петербургскому и Московскому ядрам развития Карелии и Вологодской области. При этом в Ленинградской области, являющейся полюсом экономического роста, наблюдается выход заготовок практически на уровень 1990 года, притом, что в целом по России он остается в 2,5 раза ниже, чем тогда. (см. рис. №1) [5].

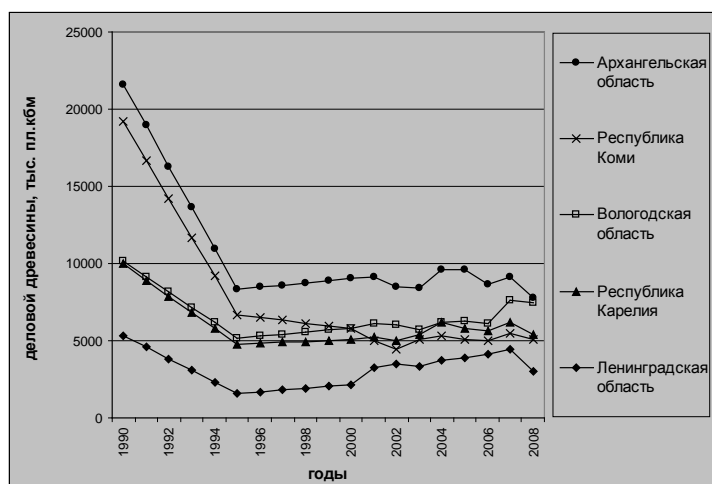

Рисунок №1. Динамика производства деловой древесины в ключевых лесопромышленных регионах Север-запада России в 1990-2000-е годы

Упомянутый выше фактор тяготения деревопереработки к сырью, а также тенденция развертывания лесозаготовок для обслуживания потребностей конкретных крупных предприятий обуславливают целесообразность выявления и анализа лесопромышленных комплексов регионального масштаба. При анализе таких комплексов следует учитывать: 1) значение сырьевого и транспортного факторов для локализации экономической активности, как долговременной (деревоперерабатывающие центры), так недолговременной (монопрофильные лесозаготовительные поселки), 2) значение технологических особенностей различных лесопромышленных производств для их размещения, 3) исторические предпосылки формирования современных конфигураций потоков древесного сырья внутри региона и на его границах, а также двунаправленный процесс, идущий в современных российских условиях: 4) обособление региональных ЛПК в силу передачи регионам полномочий, достаточных для ведения самостоятельной лесной политики, в соответствии с Лесным Кодексом, вступившим в силу 1 января 2007 года, с одной стороны, и 5) сглаживание границ между ними в силу роста значимости межрегиональных вертикально интегрированных лесопромышленных холдингов, с другой [6].

Ниже приводятся поясняющие примеры по каждому из пунктов, на основе полевых региональных исследований автора в Костромской, Вологодской областях, республике Карелия в 2009 и 2010 гг.

1. Лесозаготовительная деятельность, требуя значительных трудовых ресурсов, тяготеет к периферийным территориям (где ресурсная база не фрагментирована), способствует развитию крупноочаговой системы расселения с доминированием монопрофильных населенных пунктов и перемещается по территории, чем создает предпосылки периодического возникновения безработицы и социальной напряженности в

локальностях, ранее концентрировавших экономическую активность. Издержки этого процесса высоки для общества по ряду причин, среди которых дороговизна лесной инфраструктуры, остающейся без использования, нагрузка на бюджеты всех уровней для организации компенсационных выплат безработным, потеря трудовых навыков местным населением, деградация социальной среды, криминализация.

2. Там, где существует ресурсный потенциал для запуска крупного, дающего экономию на масштабе, производства целлюлозно-бумажной промышленности (ЦБП), другие виды переработки, кроме производства пиломатериалов, представлены в меньшей степени. Законодательно закрепленное требование заготавливать на отведенном участке всю предназначенную в рубку древесину, делает неизбежной заготовку, наряду с балансами для ЦБП, пиловочника. Пиловочник — это древесина лучших товарных свойств (большой диаметр), перерабатывать которую в щепу для варки целлюлозы означает нести альтернативные экономические издержки, поэтому, за исключением отдельных случаев, когда на кон поставлена бесперебойность поставок сырья для варки целлюлозы (Сегежский ЦБК), целлюлозно-бумажные и крупные лесопильно-деревообрабатывающие комбинаты (ЛДК) комбинируются. В то же время, плитное производство (древесно-стружечные, древесноволокнистые плиты, плиты из направленной стружки), имеющее меньшую рентабельность, чем ЦБП, максимально эффективно при использовании хвойных балансов, спрос на которые предъявляет также отечественная, ориентированная на хвойные породы ЦБП. Поэтому плитное производство развивается обычно там, где ЦБП не способна переработать все доступное сырье (Коми), либо там где сырья слишком мало или оно слишком дисперсно распределено для организации долгосрочного бесперебойного снабжения ЦБП (например, Костромская область, где в условиях дефицита хвойного сырья разместилось одно из мощнейших в России плитных производств, работающих на смешанном сырье — ООО "Кроностар" в г.Шарья).

3. Воздействие факторов, переставших быть актуальными, еще долгое время может сказываться на потоках лесного сырья. Так, намерения Правительства России ввести запретительные пошлины на экспорт необработанного леса, не реализованные, привели к переориентации использующей березовые балансы ЦБП Финляндии на эвкалипт из южноамериканских припортовых плантаций, что лишило Россию возможности сбыта избыточной в структуре лесного фонда (в отличие от хвойной) мелколиственной древесины. На региональном уровне этот эффект проявился, в частности, в Костромской области, где повышение минимальных ставок аренды лесных участков привело в кризис к переориентации сохранившихся производств на сырье из Вологодской области, и снижение

минимальных ставок не обязательно повлечет к отказу от долгосрочных контрактов с вологодскими поставщиками.

4. Передача полномочий по распоряжению лесным фондом на уровень субъектов РФ, помимо возможности для них регулировать стоимость аренды, привело к ситуации, когда компании, ранее не способные оказывать существенного влияния на лесную политику, будучи слишком слабыми для лоббирования на федеральном уровне, получили возможность воздействия на лесную политику регионов. В частности, это привело к ситуациям, когда филиалы межрегиональных холдингов в отдельных регионах не выполняют концессионных (по уходу за лесом и т.д.) обязательств по договорам, а региональные власти не решаются расторгать договора, в силу зависимости бюджетных доходов от присутствия крупного арендатора (например, ситуация в Сегежском районе Карелии в 2010 г.).

5. Рост значимости межрегиональных лесопромышленных холдингов не только в деревопереработке, но и в лесозаготовках, обусловленный преференциями для крупного бизнеса, заложенными в новом лесном законодательстве, ведет к ряду изменений на региональном уровне. Огромный разрыв в масштабах малого числа крупнейших и большого числа статистически средних компаний ЛПК ведет к обширности ареалов влияния крупных компаний, к приобретению ими положения монополистов. Эта ситуация, характерная для ряда регионов Северо-Запада России с развитой целлюлозно-бумажной промышленностью, в частности, для Карелии, ведет к тому, что вместо подчиненности разным группам факторов и, соответственно, независимости территориальных политик предприятий, имеет место зависимость самого существования небольших предприятий от политики предприятий крупных, пусть даже производящих иные виды продукции из иных сортов сырья.

Последняя проблема, на взгляд автора, является на данный момент ключевым препятствием для создания сбалансированных территориальных конфигураций лесопромышленного производства внутри регионов, которые могли бы обеспечить социально-экономическую устойчивость сельских поселков и моногородов. Сложившаяся же тенденция приводит к дальнейшему углублению периферийности таких населенных пунктов и к искажению пропорций территориального развития в соответствии с интересами крупных компаний, а не местных сообществ.

Список источников:

1. Тацун М.В. Совершенствование системы управления лесопромышленным комплексом России. СПб., 1996
2. Приваловская Г.А., Волкова И.Н. «Сочетания природных и социально-экономических ресурсов в развитии регионов России» // Изв. РАН, серия географ. 2009 № 5, с.7-21
3. Кондратьев В.А. Современное состояние лесопромышленного комплекса России. М., 2002.
4. Кожухова Л.И. Социально-экономические проблемы устойчивого развития лесного хозяйства российских регионов. М.: МГУЛ, 2003.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: Р32 Стат. сб. / Росстат. - М., 2009. - 990с
6. Кузьминов И.Ф. Костромская периферия: социально-экономические последствия трансформации лесопромышленного комплекса // Северное село: традиции и инновации. М.: Сообщество профессиональных социологов, 2010.